

В то утро, когда Цуй Се собирался выйти из дома, он вдруг заметил, что во дворе тянется узкая дорожка печной золы — от самого колодца прямо на кухню. А от колодца наружу шла ещё одна линия, серовато-жёлтая, похожая на отруби. Цуй Юань подметал неподалёку, но к этим двум полосам даже не прикасался — похоже, это было связано с каким-то местным обычаем. Цуй Се остановился, посмотрел немного и с любопытством спросил:

— Что сегодня за день? Зачем насыпали золу во дворе?

Из кухни вышла невестка Хуан и, слегка пригнувшись в поклоне, ответила:

— Отвечая молодому господину, таков уж обычай в нашем уезде: нужно заманить дракона в дом, и тогда весь год будет богатство и процветание.

Цуй Се тут же притих, боясь выдать своё незнание тамошних традиций. К счастью, этот обычай оказался чисто местным, свойственным только уезду Цяньань — в столице такого не водилось. Пэн Янь, крутившийся рядом, тут же защебетал, объясняя:

— Я и сам только узнал! Это наш родной обычай. Нужно рисовой шелухой довести дорожку до колодца, а потом печной золой — от колодца к чану с водой. Так дракон войдёт в дом, поселится в нашем колодце и будет приносить хозяевам богатство!

Перед юным господином невестка Хуан немного робела, а вот к Пэн Яню относилась как к собственному племяннику. С улыбкой выслушав его, она добавила пару слов:

— Сегодня ещё положено есть жареные рисовые лепёшки. Правда, с утра они тяжелы для желудка, а днём остынут и перестанут быть хрустящими. Возвращайтесь вечером пораньше, молодой господин, я пожарю вам свежих лепёшек и щедро покрою сахаром.

Цуй Се кивнул и мягко сказал:

— Хорошо, я как раз не прочь съесть жареных лепёшек. Раз уж всё равно будете использовать масло, пожарьте заодно кунжутных шариков, сладких язычков из теста, обжаренной лапши и хрустящих полосок... Сделайте побольше: съешьте сами дома и соседям раздайте попробовать.

Невестка Хуан радостно закивала и вернулась на кухню. Цуй Се же отправился к воротам семьи Чжао ожидать Чжао Инлиня, чтобы, как обычно, пойти в школу вместе.

А вот в семье Чжао не было правила отказываться от лепёшек поутру. Чжао Инлинь вышел с двумя хрустящими, золотистыми и маслянистыми рисовыми лепёшками, завернутыми в промасленную бумагу. Протянув одну Цуй Се, он кивнул:

— Бабушка сама приготовила! По южному рецепту, не так, как у других. Попробуй, точно понравится.

В начале второго месяца погода всё ещё стояла довольно холодная, так что свежепожаренная лепёшка уже не обжигала пальцы. Цуй Се без лишних церемоний принял угощение, разорвал бумагу и откусил кусочек. Внутри оказался тонкий слой начинки из свиного сала и сахара. Хотя он едва не обжёгся, вкус и впрямь отличался от местных блюд — лепёшка почему-то выходила куда более нежной и сладкой.

Цуй Се снова порадовался, что ему досталась книжная лавка. Иначе, вздумай он по примеру других попаданцев зарабатывать продажей уличной еды, не смог бы угодить даже вкусам жителей этой улицы.

Съев чужую еду, чувствуешь себя обязанным. Доев лепёшку, Цуй Се весьма сознательно похлопал Чжао Инлиня по тыльной стороне ладони:

— Если наставник устроит сегодня проверку по цитированию и толкованию канонов, обещаю: ради этой бабушкиной лепёшки я дам тебе списать.

Лицо молодого Чжао расплылось в широчайшей улыбке, хотя он сострыпал сдержанную мину:

— Ну что ты, разве я из таких? Заучивание и толкование канонов — базовая обязанность каждого книжника, я давно всё вызубрил!

Цуй Се едва не расхохотался, но, сжавшись над чувствами школяра, подыграл:

— Брат Инлинь, конечно же, имел в виду не это. Просто я сам кое в чём сомневаюсь, вот и хочу свериться с тобой во время письменного опроса.

Улыбка Чжао Инлиня стала ещё шире. Перестав притворяться честным учеником, он небрежно кивнул и с азартом заговорил о том, что в дни жертвоприношений в Храме литературы и военного искусства наставник, возможно, отправится вместе с уездным начальником сочинять стихи по императорскому указу, а значит, им могут дать выходные.

Настоящие дети всегда беззаботны и легко радуются малому. Лишь из-за возможности списать на письменной проверке он радовался с самого утра и до самой половины дня, пока наставник не объявил о начале опроса по канонам...

И тут неожиданно явился человек из семьи Цуй и сообщил, что из столицы прибыл гость, так что Цуй Се нужно вернуться домой для приёма. Радость Чжао Инлиня мгновенно сменилась ужасом. Он вытаращил глаза, глядя, как тот шаг за шагом удаляется, но не посмел удержать его и мог лишь смотреть, как Цуй Се выходит за ворота навстречу свободе, оставляя его один на один с горой вопросов.

Не будем описывать, каково пришлось молодому Чжао в классе, но сам Цуй Се выходил из школы с неким трепетом. До сих пор из столицы к нему приезжали посланники лишь из двух домов: одни явились искать неприятностей, а другой дом принадлежал другу, с которым он сам хотел свести знакомство. Разница между этими двумя вариантами была словно между встречей с грабителями на дороге и находкой миллионного состояния.

Качнув головой, он спросил у работника, пришедшего за ним:

— Кто пришёл ко мне?

— Слуга из дома Цзиньвэй по имени Се Шань, — рабочий не жил в усадьбе семьи Цуй, а потому не знал, что Се Шань уже приезжал во время праздников, и не догадывался об их отношениях. Испытывая подсознательный трепет перед Цзиньвэй, он понизил голос: — Сказал, что привёз молодому господину вино.

Улыбка на лице Цуй Се стала явственнее, он прибавил шаг и поспешил домой.

Невестка Хуан к тому времени успела нажарить кучу хрустящих язычков из теста, щедро посыпанных сахаром, а также клейких рисовых шариков Туаньцзы с бобовой начинкой и соленоватых хрустящих полосок, подав всё это для гостя. Се Шань сидел в гостиной, запивая угощения чаем. Увидев Цуй Се, он отряхнул ладони, поднялся и с улыбкой произнёс:

— Я как раз собирался поблагодарить молодого господина за угощение! Ваши сладости обладают особым вкусом, ничуть не уступают столичным.

Затем он вручил список подарков. Там не было особых столичных диковинок, лишь обычные сладости, фрукты и десять кувшинов отборного вина.

Это вино было дистиллятом из гаоляна с насыщенным ароматом, сваренным по рецепту, который дал сам Цуй Се.

Се Шань молвил:

— Вино только-только выгнали. Наш господин попробовал, вкус ему понравился, и он тут же приказал мне привезти его вам. Правда, выдерживали его недолга: хоть оно прозрачное и ароматное, но пока недостаточно мягкое и глубокое. Господин велел передать молодому господину, что вино лучше подержать в погребе год-другой, чтобы ушла лишняя крепость. Как раз к тому времени вы подрастёте и сможете пить крепкие напитки.

Цуй Се сжал список подарков и с улыбкой сказал:

— Чем я заслужил такую заботу со стороны цянху Се? Вино я принимаю, но есть у меня ещё подарок, который прошу передать господину.

Приняв список подарков, он отправился в кабинет и вынес оттуда свиток. Раскрыв его, он явил свиток с изображением Гуаньинь, выполненным столь же тонко и детально, как и портрет цянху Се. Лик Гуаньинь был целиком срисован со сценического образа из «Путешествия на Запад», а вот одеяния Цуй Се точно не помнил, поэтому изобразил их по образцу продававшихся на рынке икон.

Се Шань тут же встал, сотворил молитву и воскликнул:

— Вот это поистине лик Будды! Как у молодого господина получилось изобразить подобное? В храмах и то не встретишь ничего прекраснее!

Это оттого, что актриса Цзо Дабэй обладала идеальной внешностью — во время натуральных съёмок люди принимали её за настоящую Гуаньинь. Цуй Се лишь хорошо запомнил этот образ с детства и смог точно его воспроизвести. Скромно улыбнувшись, он произнёс:

— Брат Се преувеличивает. В прошлый раз ты упоминал, что портрет не стоит вывешивать на обозрение, вот я и подумал написать такую картину, которую можно повесить на стену. Не зная, верит ли цянху Се в буддизм или даосизм, я решил изобразить Гуаньинь.

В прошлый раз Се Шань привёз столько красок, что Цуй Се ещё тогда задумал написать ими картину и показать цянху Се.

Обычный портрет открыто не вывесишь, а автопортрет и вовсе не дарят. Однако нынешний император ратовал за единство трёх учений, призывая ко двору и даосов, и буддистов, да и в народе религиозные верования были сильны: почти в каждом доме имелся лик божества или Будды. Образы Трёх Пречистых в памяти Цуй Се размылись, нарисовать их хорошо он бы не смог, поэтому остановился на образе Гуаньинь — даже если цянху Се сам не повесит картину, сможет подарить её верующим старшим родственникам или друзьям.

Се Шань с благоговением принял свиток и вымолвил:

— Наш господин особо ни во что не верит, разве что по праздникам жертвовал деньги на масло для лампад в храмах да даосских обителях. Но увидав такой прекрасный лик Бодхисаттвы работы молодого господина Цуй, глядишь, уверует всерьёз!

Цуй Се с облегчением вздохнул:

— Вот и отлично. У меня есть ещё несколько свежееотпечатанных экземпляров «Алмазной сутры» из нашей собственной книжной лавки. Они недороги, заберите их с собой в столицу, пусть Се Ин раздаст их близким.

Видя, что Се Шань держит свиток, боясь даже шелохнуться, Цуй Се подошёл и сам аккуратно свернул его, перевязав красной нитью. Се Шань почтительно положил свиток на чистый стол, поднялся и поклонился:

— Тогда я от имени нашего господина благодарю молодого господина. После третьего месяца наступит праздник Цинмин, а восьмого числа четвёртого месяца — Праздник Омовения Будды. Это самое время для раздачи сутр. С сутрами, напечатанными молодым господином, у нашего господина убавится немало хлопот.

<http://bllate.org/book/18372/1761289>